
ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ СОВРЕМЕННОСТИ: ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА

Ибат Бабакулов

Вряд ли существует необходимость в наши дни доказывать, что тектонические сдвиги в развитии современного общества, радикально меняющие общую картину социума, до сих пор не нашли адекватного отражения в науке. Предстоит еще многое сделать в осмыслении новой всемирно-исторической реальности для того, чтобы довести до необходимой ступени ясности представления о сегодняшней глобальной панораме мировых явлений и событий.

Эта потребность прояснения стала особенно очевидной, когда бурно развивающиеся знания о культуре человечества обрели, наконец, теоретические очертания, и на познавательном горизонте забрезжила возможность оторваться от чисто эмпирического занятия — собирания фактов и укладывания их в давно готовую схему традиционного историзма. В этом процессе особую роль уже сыграли первые попытки теоретических обобщений в области культурологии, приведшие к методологии *мультикультурализма* [13].

Хотя мультикультурализм сразу же подвергся и до сих пор еще подвергается серьезной и по большей части справедливой критике в качестве особого рода *идеологии*, нельзя упускать из виду тот позитивный эвристический заряд, который в себе несла мультикультуралистская культурология.

В этом отношении особенно примечательно то, что, несмотря на упреки в адрес мультикультурализма, смысл которых сводится к утрате глобального видения культуры при мультикультуралистском к ней подходе, именно он позволяет по-новому взглянуть на процессы становления национальных культур и на их место в мировой культуре.

Верность этого подчеркивается самим разворачиванием в последнее время широкого исследовательского поля, которое возвращает знания о множестве дотоле недифференцированных и не получивших спецификации культурных феноменов. Это исследовательское поле представляет собой, с одной стороны, итог исторического изучения локальных культур, а с другой — культурологическое обобщение, заранее отвергающее (в силу его недостаточности) чисто исторический подход к соответствующему материалу и предполагающее использование таких методологических инструментов, которые применяются в *философии и теории культуры*. Обозначенные исходные позиции позволяют поставить ряд исследовательских задач, решение которых, безусловно, невозможно без использования того исторического материала, от ограничения которого мы здесь только что предостерегали. Именно в этом состоит значение теоретико-культурной методологии; необходимо (с целью правомерности обобщения) первоначально отграничить, развести исторический и культурологический подходы к реальности, чтобы в дальнейшем лучше разобраться в проявлениях специфики последней.

Значение культурно-исторических обобщений мы намерены в данном случае показать на материале культурной самоидентификации таджиков, которая осуществлялась особенно бурно в аджамскую эпоху — своего рода «золотой век» для многих среднеазиатских народностей, время таджикского культурного Возрождения. Уже с самого первого шага в изучении этого явления исследователя подстерегает ряд трудностей, которые — и это можно сразу же отметить — проистекают, во-первых, из недостаточной изученности многих существенных черт этой эпохи и, во-вторых, из заведомо ущербной по идеологическим и другим вне-научным причинам интерпретации соответствующих проблем. Единственный значимый вывод, в признании которого сходятся все истолкования культуры рассматриваемой эпохи (IX—X вв.), — это утверждение серьезного всемирно-исторического значения культурного наследия таджико-персидского этноса. И это признание может служить серьезным общим основанием для того, чтобы считать в высшей степени достойным делом изучение этого наследия. Это тем более важно, что еще и в наши дни корпус источников такого изучения строго не обозначен, и многие материалы по истории и культуре не только не опубликованы, но и остаются совершенно неизвестными не только для широкого круга читателей, но и для специалистов.

Сказанное актуализирует проблему специфики становления и развития культуры таджикского народа, хотя и трудную для научного исследования. Одной из причин такой трудности, на наш взгляд, является языковая ограниченность.

В рассматриваемую эпоху язык и персидско-арабская графика (правописание) были основным языком и графикой науки, потому что после нашествия и завоевания арабов на территории государства аджамов язык и арабская графика выступали в качестве средств межнационального общения ученых и мыслителей. В последнее время в развитии истории науки сделано много шагов, частично восполняющих познавательные пробелы. Много сделали для этого ученые бывшего Советского Союза и современного Запада — Германии, Англии, Италии, Франции, ученые России и стран СНГ, в том числе такие ученые Таджикистана, как А.М. Мирзоев, Н. Негматов, А. Мухтаров, А. Турсунов и др. При этом особенно значителен классический труд акад. Бабаджана Гафурова «Таджики».

И тем не менее многие культурологические аспекты этой темы только намечены исследователями. Одно из существенных препятствий на этом пути — ограниченность и слабость методологической базы.

Если методы чисто исторического исследования вполне традиционны и разнообразны, то при всей важности культурологического подхода к историческому материалу здесь еще не обозначена специфика методов. Между тем понятно, что на исследовательский успех может рассчитывать только тот подход, который дает возможность по-новому взглянуть на вполне традиционный исторический материал.

Представляется полезным и многообещающим уже хорошо зарекомендовавший себя в культурологии специфически социологический исследовательский подход, получивший общее название *case study* — исследование одного объекта

в определенных временных и пространственных границах с целью выявления его уникальных черт, структуры и внутренних стимулов трансформации. По-видимому, такого рода методологические новации имеют большое будущее, но для того чтобы эти перспективы реализовались, необходимы исследовательские усилия.

История таджиков аджамской эпохи, о которой идет речь, — благодатная почва для применения методологии и методики *case study*: тут уже на поверхности лежит необходимость переформулирования проблем, которые продемонстрировали свою неразрешимость при использовании только традиционных методов. И дело здесь, скорее всего, именно в том, что нелегко добраться до глубин *специфики* исследуемого объекта. В данном случае может сказать свое слово применение этой сравнительно новой социолого-культурологической методологии.

В те времена, когда повсеместно насаждались надуманные идеи абстрактного интернационализма (по сути представлявшие собой концепции вульгарного космополитизма) и жестко пресекалось любое стремление к укреплению национального самосознания, важную роль сыграло глубокое исследование культурного прошлого своего народа и раздумья над его историческими судьбами со стороны Бабаджана Гафурова, который был не только первым руководящим лицом страны, но и серьезным теоретиком, изучившим процессы развития национального сознания своего народа. Сам по себе этот факт — соединение в одном лице практического политика и исследователя-культуролога — впервые обусловил возможность применения форм методологии типа *case study* еще до конституирования и появления самого названия этого метода. Безусловно, один из главных источников истинного национального самосознания — это постоянное обращение к героическому прошлому своего народа, сохранение культурного наследия предков и бережное отношение к памяти великих сынов нации.

Однако такой подход обнаруживает и свою слабую сторону: в этом случае нелегко преодолеть идеологическую ангажированность. Для того чтобы использовать это применительно к истории таджиков, необходимо скрупулезно подчеркивать как достижения, так и исторические промахи в длинной череде событий, происходивших в истории таджикской нации и государства. Здесь-то и окажется полезным метод специализированного исследования истории таджиков аджамской эпохи как *частного случая* массовидного процесса формирования государственности и национального самосознания народов Средней Азии.

Первая исходная максима исследования должна, таким образом, находиться в русле известной полемики. Наш тезис: *по культурологическим основаниям ошибочно утверждать, что государство Саманидов является началом истории таджикской государственности*. Задолго до эпохи Саманидов таджики основали целый ряд государств и были признаны древнейшим народом Средней Азии, открывшим первые страницы цивилизации на этой земле.

Начало культуры таджиков и история таджикской государственности своими корнями уходит в далекие тысячелетия и берет начало в мифологических источниках и древних легендах. Их-то культуролог и должен был бы анализировать прежде всего, ища специфику и оригинальность, а не общие места и типические мифологемы.

Период мифотворчества относят к периоду правления династии Пешдодийцев (IV—III до н.э.), когда картины первобытного общества и зарождение основ цивилизации облачались нашими предками в красочные легенды и сказания. Поэтому если мифы и легенды Древней Греции, Иудеи, Египта и Вавилона составляют одну из главных страниц в истории этих стран, можно также смело утверждать, что эпоха династии Пешдодийцев является первоисточником государственности таджиков и других иранских народов.

Эпоха другой великой династии правителей, Каёнидов, уже выходит из рамок мифологии и преданий на историческую плоскость и приходится на время царствования Гуштоспа и появления пророка Заратустры. Ныне все ученые мира признают величие учения Заратустры и священной книги «Авеста», прославивших мощь и блеск государства Каёнидов и их «тысячеградной» страны — древней Бактрии и Согда, где были построены величественные города, проложены караванные пути, созданы торговые центры. Не менее ярки, но в то же время еще менее изучены те страницы в истории древней таджикской нации, которые вписала плеяда Кушанцев (кон. III — нач. II вв. до н.э.).

К сожалению, здесь нет возможности охарактеризовать все последующие государства таджиков, историю их расцвета и падения. Ограничимся поэтому лишь упоминанием о том, что после нашествия арабов на территории Моваруннахра и Хорасана образовались мощные государства Тахиридов и Саффаридов, которые мало в чем уступали возникшему позже государству Саманидов (IX—X вв. н.э.). Однако лишь Саманидам удалось на целое столетие обеспечить не только централизацию государства, его плодотворное развитие и небывалый рост, но содействовать мощному расцвету оригинальной культуры и стать важным фактором формирования таджикской национальной государственности и консолидации народности таджиков, а в наши дни — возрождения культурных и духовных ценностей нации.

В конечном итоге именно государство Саманидов дало возможность таджикскому народу, которому изначально было свойственно созидательное творчество, еще раз продемонстрировать миру свою цивилизаторскую миссию. Именно этот период считается завершающим этапом исторического формирования таджикского народа и достижения им вершины национальной государственности. На важность этого периода обратил внимание Э. Рахмонов в своей книге «Таджики в зеркале истории» [7].

Анализ литературы показал, что предшествовавшие исследователи не только имплицитно применяли методiku case study, но и добились с ее помощью значимых выводов, сопоставляя эпохи при помощи рассмотрения одной *через призму* другой. Вполне вероятно, что если бы мы досконально знали времена взлетов и падений своей нации при ее развитии, умели бы извлекать для себя уроки из допущенных нашими предками ошибок, то вряд ли смертоносный ураган гражданской войны, навязанной таджикскому народу, принял бы такие трагические масштабы. Знание истории, как известно, необходимо не только ради самого прошлого — оно, как компас, помогает определить дальнейший путь нации, выявить новые

процессы и течения, с которыми сталкивается в своем развитии любая национальная государственность.

Несомненно, одним из главных источников национального самосознания является именно приобщение к славному и героическому прошлому своего народа, сохранение и приумножение духовного наследия предков.

Вместе с тем исторический опыт показывает, что ни одна нация, ни один народ не способны подняться до высот культуры и сохранить себя на протяжении тысячелетий без приобщения к совместной цивилизации человечества. И величие таджикской нации нам видится в том, что на протяжении тысячелетий она не раз смогла мужественно выдержать натиск чужеземных завоевателей и в то же время осуществить *синтез чуждой цивилизации с бессмертными достижениями своей культуры*, каждый раз поднимаясь на качественно новый уровень развития.

Но величие таджикской нации выражается еще и в том, что, под игом какой бы империи или завоевателей она ни находилась, ей всегда удавалось сохранять верховенство своего языка и культуры, смягчать жестокие удары, наносимые ей со стороны религиозных фанатиков, исполненных диких предрассудков.

Всякий раз, когда речь заходит об историческом наследии, о культурных достижениях, национальном происхождении великих сынов таджикского народа и даже истоках формирования таджикского языка, в большинстве случаев допускаются грубые искажения, историческая несправедливость. Как утверждает тот же Акбар Турсунзод, «познание исторической истины превратилось в международный рынок, где имеются не только торговцы и покупатели, но и посредники» [9. С. 17]. Поскольку мы не имеем международного посредника, наш исторический «товар» часто становится объектом грабежа.

Вопрос относительно нашего исторического наследия является частью глобальных проблем науки. Мы имеем в виду справедливую и истинную оценку культурно-этнического вклада восточных иранцев (таджиков) и западных иранцев (персов или, по сегодняшнему выражению, просто иранцев) в формирование и развитие единой исламской культуры.

Многие иранские и другие зарубежные историки описывают доисламский Вароруд и Хорасан как отсталые провинции Великого Ирана, а дальнейшее развитие их культуры в период ислама связывают с влиянием Западного Ирана: по их мнению, первые семена культуры в нашем крае были посажены древними жителями сегодняшнего Ирана. Надо отметить, что это ошибочное мнение не просто плод досужего вымысла новоявленных националистов. Как в свое время отметил В.В. Бартольд, «культурное противопоставление Западного Ирана (Фарс) и Восточного Ирана (Вароруд и Хорасан) в европейской ориенталистике XIX века приняло характер официальной методологии. Причиной же распространения такой точки зрения, конечно, была нехватка исторического материала, а не научная близорукость или идеологический нажим» [3. С. 443].

Не так давно известный таджикский историк Мансур Бобохонов в одной из своих статей, размышляя над процессом рассеяния таджиков и их ухода с Родины, разбил этот процесс на несколько этапов, началом которых он считает период нашествия арабов.

По моему мнению, первоначальное расселение предков таджиков и их уход с Родины относится ко временам присоединения к хахаманидской империи земель Бактрии, Согда, Мерва и Хорезма (VI—V в. до н.э.). Граница между восточным и западным взглядами достаточно условна: оба названных течения имеют точки пересечения.

Древнейшим источником, в котором упоминаются названия Бактрии и Согда, является священная книга «Авеста». Как было упомянуто выше, в 1-м фрагменте «Видевдот» перечислены первые государства, созданные Ахурамаздом, среди которых есть «Прекрасный Бакхад (Бохтар) с реющими знаменами» и «Сугда с зелеными лугами и пастбищами».

По утверждению некоторых исследователей «Авесты», понятие «реющие знамена» символизирует величие царской крепости, силу и мощь не знающих поражения войск последователей зороастрийской веры, победоносный дух завоеваний эпохи Гуштоспа. И в «Авесте», и в других пехлевийских первоисточниках, где упоминается о царской династии Виштоспа и Заратустре, Бактрия и Балх обязательно изображаются как необъятное государство с мощными и развитыми городами, как обиталище царей, место возведения первых храмов огнепоклонников и распространения зороастрийской веры.

Крупнейший знаток древней истории Фирдоуси создал свою бессмертную поэму «Шахнаме» на основе исторических первоисточников, таких как «Худойнома» («Божественная книга»), «Маздак нома» («Маздакнаме»), «Шахнаме» Абумансури, «Шахнаме» Масъуда Марвази, «Форснаме» Ибн Балхи, «Жизнеописание хронограммы Табари» Балами, а также «Гуштоспнаме» Дакики и других преданий, легенд и исторических поэм арийских народов. В зависимости от хронологии «Шахнаме» можно разделить на две большие части — мифологическую и историческую. Упомянутых в «Шахнаме» царей мифологического периода можно отнести к династии Пешдодийцев и так обозначить эпоху правления Каюмарса: 40 лет — эпоха царствования Хушанга, 30 лет — Тахмураса, 700 лет — Джамшеда, 1000 лет — Заххока, 500 лет — Фаридуна и других, вплоть до Гаршоспа... Это деление и летоисчисление имеют преимущественно мифологическую основу.

Необходимо отметить, что в эпоху правления династии Пешдодийцев наши предки, пройдя фазу язычества, достигли первых ступеней цивилизации: они уже умели высекать огонь, строили жилье, добывали пищу и одежду, использовали орудия труда, приручали диких животных.

Так, к примеру, если в период правления Хушанга люди научились высекать огонь, плавить железо и создавать орудия труда, то в эпоху царствования Джамшеда они научились прясть пряжу, ткать, шить одежду, строить корабли, изготавливать военное снаряжение. Можно также добавить, что обычаи празднования Навруза, Мехргона и Сады описаны в «Шахнаме» как достижения древних правителей. «Шахнаме» Фирдоуси — величайшая историческая и литературная поэма, которая содержит описание судьбы и истории правления более чем пятидесяти арийских царей. Выдержки из «Форснаме» приводят к заключению, что персидские и арабские историки и ученые исчисляют время царствования пеш-

додийцев 2568 годами и описывают их как реально существовавших в истории правителей. Некоторые западные и восточные историки XIX—XX веков, называя этот период эпохой «мифологической культуры», сомневаются в существовании царской династии Пешдодийцев и не признают сведения исторических первоисточников и посвященные этому периоду культурные памятники, в частности «Авесту». К счастью, целый ряд их оппонентов, в том числе и выдающийся археолог Ю. Якубов, убеждают, что благодаря достижениям обретенной нами независимости «мы должны заново написать свою историю, в соответствии с требованиями времени в духе национального самосознания» [12. С. 18].

Но самое замечательное в том, что гений народа невозможно было искоренить: словно сказочная птица Феникс, он возрождался и наполнял необыкновенной силой творческий потенциал людей, проявлялся в невыразимо трудных условиях. Отсутствие на протяжении последнего тысячелетия политической и государственной самостоятельности не смогло отодвинуть народ на обочину истории Центральной Азии. Этот народ воспринял творения, созданные другими народами, и дополнил их такими именами, как Рудаки, Авиценна, Фирдоуси, Хафиз, Саади и многими другими, без которых немыслима сама история человеческой цивилизации.

История мировой цивилизации свидетельствует о том, что самосознание и национальная гордость являются цементирующей основой любой уважающей себя нации. Нация, которая не чтит свой язык, историю и литературу, не уважает свои обычаи и культурные ценности, вряд ли сможет надолго сохранить и свою независимость. Ныне такие понятия, как мир и национальное единство, обрели реальную плоть, распространились по всем регионам, достигли самых отдаленных уголков страны, дошли до людских сердец; напряженность и страх уступили место стабильности и взаимопониманию. День подписания Общего соглашения о мире был отмечен в республике как национальный праздник (27 июня 1997 г.). Начался новый этап в развитии нашей государственности, когда первоочередной задачей стало воссоздание и обустройство страны. Программы продовольственной и энергетической независимости, экономических реформ, возрождение шелкового пути и строительство железной дороги и десятков больших и малых промышленных предприятий стали вестниками грядущих достижений, обретших право на жизнь благодаря миру, согласию и национальному единству.

Таджики являются нацией с признанной цивилизацией и, конечно же, им надлежит беречь и приумножать свои национальные ценности, древнюю культуру, науку, литературу и искусство, крепить национальное достоинство и в этом духе воспитывать будущие поколения. На исходе XX века и накануне третьего тысячелетия история возложила на наше недавно обретшее независимость государство новые сложные задачи, без решения которых почти невозможно занять достойное место в мировом сообществе.

Однако еще и до сих пор очень легко стать игрушкой в руках крупных и сильных держав. Развитие культуры и науки требует, как никогда раньше, максимальной концентрации усилий, творческих дерзаний и поисков. Ибо наступивший

век станет для жителей Таджикистана периодом новых свершений и испытаний, вхождения нашей демократической светской республики в ряды передовых и развитых стран мира, веком расцвета науки, культуры и государственности таджиков.

Мы имеем все возможности и резервы для дальнейшего роста и развития: прочную материальную базу, созидательный опыт, мощный интеллектуальный потенциал и многое другое.

Самое же главное наше богатство — это трудолюбивый, талантливый и упорный народ, который стойко перенес столько выпавших на его долю трудностей. Насколько успешно будут задействованы ресурсы, насколько мы приблизимся к уровню развитых стран мира, зависит прежде всего от народа, его подрастающей смены.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Авеста и мировая цивилизация. Тезисы докладов Международного симпозиума. — Душанбе, 2000.
- [2] *Артамонов С.Д.* Сорок веков мировой литературы. В 4-х кн. — Кн. II. — М.: Просвещение, 1997.
- [3] *Бартольд В.В.* Восточно-иранский вопрос // В.В. Бартольд. Соч. — Т. II. — М., 1971.
- [4] *Бобохонов М.* Фирори Точикон: Сабаб ва окибати он // Минбари Халк. — Душанбе. — 1997. — № 1.
- [5] *Гафуров Б.* Таджики. В 2-х кн. — Душанбе: Ирфон, 1998.
- [6] *Зимин Л.А.* Нахшеб, Несеф, Карши. Их история и древности. Сборник «В.В. Бартольду». Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. — Ташкент, 1927.
- [7] *Рахмонов Э.* Таджики в зеркале истории. — Душанбе, 1999.
- [8] *Рахмонов Э.* Независимость Таджикистана и возрождение нации. — Душанбе, 2006.
- [9] *Турсунзод А.* Аввал худро бояд шинохт // Чавонони Тоҷикистон. — Душанбе, 1999. — № 5.
- [10] *Турсунов А.* Возрождение Аджамы. — Душанбе: Ирфон, 1984.
- [11] *Якубов Ю.* Омӯзиши таърихамон аз нигоҳи нав // Чумхурият. — Душанбе. — 1999. — № 61—62.
- [12] *Якубов Ю.* Гохномаи Авестои. — Душанбе: Деваштич, 2003.
- [13] *Semprini A.* Le Multiculturalisme. P.: PUF; Taylor Ch. Multiculturalisme, différence et démocratie. — P.: Aubier, 1992.

HISTORICAL ROOTS OF THE PRESENT: DEVELOPMENT OF A CULTURE OF TAJIK NATION

I. Babakulov